

Марк Соколянский

### ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ОДНОГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ ВЛ. ЖАБОТИНСКОГО

Такое название не должно вызывать у искушенных читателей излишних подозрений, ибо нет абсолютно никаких оснований для ассоциаций между Владимиром (Зеевом) Жаботинским и «создателем коммунистической партии и первого в мире социалистического государства». Разве что к программе и деятельности Бунда относились они (каждый со своей позиции) крайне отрицательно, да еще может кому-нибудь придти на память забавная история самой ранней публикации юного одессита: в августе 1897 года одна из одесских газет поместила статью «Педагогические замечания», в которой семнадцатилетний гимназист (sic!) с дидактическим пафосом излагал свои взгляды на существовавшую систему школьных оценок. Статья была подписана псевдонимом «Владимир Иллирич», чуть-чуть не «Владимир Ильич». На этом примере не более чем любопытные ассоциации заканчиваются, а прозвучавший в заглавии предлагаемого очерка параллелизм с некогда хрестоматийным опусом о марксизме вызван к жизни отнюдь не содержательным, а всего лишь количественно-структурным сходством.

*Заблуждение*, о котором идет речь, относится к 1908-1909 гг., когда ещё сравнительно молодой Altalena<sup>1</sup> был уже не только ведущим публицистом Юга России, но успел приобрести литературное имя и в столицах империи — имя и репутацию блестящего и неустрашимого полемиста. Собственно, в полемике и было высказано им одно весьма дискуссионное суждение, заслуживающее, думается, специального рассмотрения.

Поводом к спору, в котором Жаботинский принял самое активное участие, послужила даже не столько сама статья, опубликованная его гимназическим другом, а затем коллегой по редакции «Одесских новостей» Корнеем Чуковским, сколько негативные публицистические отклики на эту статью. К. Чуковский в достаточно категорической форме утверждал, что, дескать, евреи ничего стоящего в русской литературе не создали,

сразу вызвав на себя огонь со стороны целого ряда российских литераторов еврейского происхождения. Одним из первых выступил с противоположных позиций известный этнограф и писатель В.Г.Тан (Богораз). Его-то статья и спровоцировала (в добром смысле слова) активное участие Жаботинского в начавшемся споре. Конкретно с В.Таном дискутировал он в своей статье «О «евреях и русской литературе»» (1908 г.); этот же вопрос затрагивался и в его публицистическом *тетраптихе* «Четыре статьи о «чириковском инциденте»» (1909 г.), и в ряде других публикаций.

Солидаризируясь с Корнеем Чуковским, Владимир Жаботинский свое мнение формулировал довольно ригористически, без всяких экивоков. Для того, чтобы продемонстрировать твердость (а можно сказать, и жесткость) его позиций, достаточно привести хотя бы несколько мест из перечисленных выше статей:

«...Нахожу, что евреи пока ничего не дали русской литературе, а дадут ли много впредь — не ведаю...»<sup>2</sup>;

«...Когда евреи массами кинулись творить русскую политику, мы предсказали им, что ничего доброго отсюда не выйдет ни для русской политики, ни для еврейства, и жизнь доказала нашу правоту. Теперь евреи ринулись делать русскую литературу, прессу и театр, и мы с самого начала с математической точностью предсказывали и на этом поприще крах...»<sup>3</sup>;

«...Чуковский констатировал тот неопровержимый факт, что евреи, подвизающиеся в русской изящной литературе, ничего стоящего ей не дали...»<sup>4</sup>.

Можно, пожалуй, оставить без внимания такие категорические выражения, как «с математической точностью», «крах», «неопровержимый факт» или «без всякой помощи». Скорее всего, это издержки риторики боевого публициста, чью полемическую манеру даже не слишком-то благоволящий к идеологии и практике мирового сионизма знаменитый писатель — автор новейшего, основательно нашумевшего труда об истории двухсотлетних русско-еврейских отношений — уважительно называет «упругой, эмоциональной», а самого автора — «ярким, весьма рельефным (sic! — М.С.) публицистом»<sup>5</sup>. В 1908-1909 гг. Жаботинский нисколько не сомневался в правоте своих суждений, да и спустя три года в фельетоне «Странное явление» — уже вне всякой конкретной полемики — продолжал утверждать, что «русский народ свою литературу создал без всякой помощи евреев...»<sup>6</sup>.

Что касается фактов истории русской литературы, известных Жаботинскому, как и его современникам, на исходе первого десятилетия XX века, аргументацию видного фельетониста можно счесть выразительной, но едва ли достаточной. Так, оспаривая положения статьи В.Тана, он откровенно признается, что художественных произведений самого автора статьи не читал, и, при наличии некоторого представления о полемической манере Жаботинского, можно полагать, что это вполне искреннее признание, а не дань желанию унижить оппонента. Между тем все же в поле его

читательских и профессиональных интересов наверняка успели попасть многие факты т.н. «русско-еврейской» литературы<sup>7</sup> начала XX века, о которых он предпочел в полемике не упоминать.

Тем более суженным выглядит круг аргументов полемиста, когда он присовокупляет к литературе еще и такие области культуры, как *пресса* и *театр*. (Небезынтересно заметить, что в статьях просвещенного публициста не фигурируют в этом контексте ни изобразительное искусство, ни музыка; уже в ту пору развитие этих видов искусства в России ни в малейшей мере не подтвердило бы обсуждаемых заявлений Жаботинского).

Нет необходимости особо писать об очевидной роли этнических евреев в российской прессе начала XX столетия. Русский театр той поры, возможно, дает поменьше примеров такого рода, однако некоторые имена и явления не могли, наверное, пройти мимо внимания фельетониста-театрала, отдавшего, кстати говоря, дань и занятиям драматургией. Так, если говорить о театральной жизни хотя бы юга Российской империи, да иметь при этом в виду увлеченность Жаботинского после 1903 года идеями сионизма, то вряд ли им могли остаться незамеченными актерские работы молодого А.Я.Таирова в таких, например, спектаклях *Драматического товарищества*, как «Два мира» (по Макс Нордау) и «В новом гетто» (по Теодору Герцлю). Обращение российского театра к творчеству двух крупнейших теоретиков сионизма<sup>8</sup> в 1904 году было для «начинающего» сиониста Жаботинского, несомненно, знаковым явлением.

Нет особой необходимости оспаривать и поставленный им около века тому назад диагноз сам по себе, а уж тем более его прогноз на будущее, сокрушительно опровергнутый дальнейшим развитием русской литературы. Насколько позволяют судить изученные и опубликованные источники, в 1920-1930-е гг. Жаботинский больше не возвращался к обсуждению роли этнических евреев в развитии русской литературы (и шире — культуры): политическая деятельность настолько захватила его, что даже собственные литературные занятия были, к искреннему сожалению поклонников его литературного дарования, отодвинуты на задний план. Вместе с тем, принимая во внимание широкие читательские и филологические интересы Жаботинского, а также особое отношение к русскому языку — первому и главному языку его собственного творчества — трудно предположить, чтобы он совершенно не знал о произведениях Исаака Бабеля<sup>9</sup>, Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, не говоря уж о заметных русских писателях-эмигрантах еврейского происхождения<sup>10</sup>, а в этот ряд, несомненно, следует включить и самого Владимира Жаботинского — автора романов «Самсон Назорей» и «Пятеро».

Кстати, раз уж речь зашла об этом авторе, можно вспомнить и тот факт, что в 1913 году, то есть спустя четыре-пять лет после обсуждаемой полемики вокруг громкого заявления Корнея Чуковского, Жаботинский по приглашению маститого российского литературоведа профессора С.А.Вен-

герова представил краткую автобиографию для планировавшегося критико-биографического словаря *русских* (выд. мной. — М.С.) писателей<sup>11</sup>. Словом, свою причастность именно к русской литературе осознал он довольно рано и, в отличие от Льва Леванды<sup>12</sup> или некоторых других писателей конца XIX века, никогда особо эту причастность позднее не акцентируя, от нее и не отрекался.

Впрочем, доказывать сегодня факт объективной причастности Жаботинского к русской словесности и тем более отстаивать весьма заметную роль этнических евреев в развитии оной значило бы ломиться в давно и широко распахнутые двери. Признав полемическое утверждение В.Жаботинского пусть временным, но тем не менее явным *заблуждением*, попробуем определить истоки (причины) этого заблуждения и его составляющие.

Вряд ли стоит преувеличивать роль дружеской солидарности с Корнеем Чуковским в появлении цитируемых фельетонов. Скорее всего, верность старой дружбе могла выполнить функцию своего рода катализатора в этой полемике, но и то лишь при условии, что собственные взгляды Жаботинского совпадали по затронутому вопросу с позицией гимназического друга. В противном случае спор, начатый в статье «О «евреях и русской литературе»» не получил бы продолжения в ряде фрагментов из статей о «чириковском инциденте» или в фельетоне «Странное явление».

Первой причиной была, очевидно, недостаточная фактологическая фундированность убежденности Жаботинского в том, что евреи не создали ничего значительного в русской литературе (а также в прессе и в театре). К примеру, ведущий фельетонист «Одесских новостей» прекрасно знал уже написанные произведения Семена Юшкевича, чей пятитомник (первое собрание сочинений) был издан в 1903-1908 гг.; этого писателя Жаботинский ценил, о чем свидетельствует хотя бы его статья о Юшкевиче, появившаяся вскоре после кончины автора «Человека воздуха» и «Miserege» в парижской газете «Рассвет» (№ 39 за 1927 г.)<sup>13</sup>. Можно, конечно, предположить, что некоторых явлений в современной ему литературе Жаботинский в 1908-1909 гг. еще просто не успел разглядеть; важно и то обстоятельство, что его статья, как, кстати говоря, и предшествовавшее выступление Корнея Чуковского, писалась в тот период, каковой можно назвать *преддверием* поистине массового вхождения одаренных евреев в русскую словесность, которого вскоре никак нельзя было не заметить и о котором сегодня существует уже кое-какая литература.

В том же контексте упоминает Жаботинский «прессу и театр», и это упоминание возбуждает новые вопросы и сомнения. В самом деле, очень трудно представить себе, чтобы не раз пробовавший свои силы в драматургии литератор, не упускавший из виду даже заезжих гастролеров, вроде «замечательного сицилианского трагика Джованни Грассо»<sup>14</sup> (сразу же на память приходит бабелевский рассказ «Ди Грассо»), ничего не знал о

выросшем и делавшем первые артистические шаги в Одессе Л.М.Леонидов, Линских, молодом Александре Таирове и других достаточно известных актерах и постановщиках.

Не менее трудно поверить в то, что плодовитый фельетонист не читал книг и статей Льва Шестова и М.О.Гершензона, театрально-критической публицистики Александра (Авраама) Кугеля, не встречал в прессе литературно-критических статей Юлиа Айхенвальда или Акима Волинского (кстати говоря, имя последнего упоминается в шестнадцатой главе романа Жаботинского «Пятеро»), не заметил первых номеров «Сатирикона», среди авторов которого было немало соплеменников самого популярного автора «Одесских новостей», недооценивал вклад И.А.Ефрона и Н.С.Цетлина в развитие издательского дела в России и пр. и пр.

Вторым, еще более важным источником заблуждения проницательного литератора можно считать свойственную ему в ту пору тенденцию проводить прямые ассоциации между историко-культурным процессом и политической жизнью. Еще в ноябре 1905 года, выступая на проходившем в Санкт-Петербурге съезде *Союза для достижения полноправия еврейского народа в России*, Жаботинский убежденно прогнозировал, обращаясь к залу: «...Теперь история России выразится в огромных переворотах, в которых вы, да и всё еврейство будет играть лишь самую ничтожную роль...»<sup>15</sup>. Активный деятель сионистского движения, он и позже с сарказмом писал о евреях, «массами кинувшихся творить русскую политику», из чего, по мысли Жаботинского (уже в 1909 году!), не вышло «ничего доброго ни для русской политики, ни для еврейства»<sup>16</sup>.

Не станем сегодня ломать копыя по поводу этого, совсем небезосновательного положения — такое обсуждение могло бы далеко увести от поставленной темы — заметим лишь, что при всей своей увлеченности сионистской идеологией, сам Жаботинский все же трижды (!) давал согласие баллотироваться на выборах в Государственную Думу — Вторую, Третью и Четвертую — т.е. и до публикации обсуждаемых статей и после оной. В содержательных границах предлагаемого очерка вряд ли стоит строить всевозможные гипотезы касательно того, каким образом смогли бы примириться между собою его радикально-сионистские лозунги и обязательные для депутата Думы заботы о судьбах российских избирателей внутри империи, но с такой потенциально противоречивой проблемой видный публицист — будь он избран — вынужден был бы столкнуться непременно. Так что его суровый приговор «евреям, кинувшимся творить русскую политику», был в какой-то мере выстрадан и своим собственным политическим опытом.

Аналогичный приговор выносит автор фельетона «Дезертиры и хозяева» евреям, «ринувшимся делать русскую литературу, прессу и театр». Хромота этой аналогии бросается в глаза, и если столь богатая событиями история двадцатого столетия в какой-то степени подтвердила правоту Жаботинского

в оценке результатов обсуждаемой тенденции в *политическом* процессе, то точно так же, а, быть может, еще более решительно опровергла она его резкие суждения по поводу места и роли евреев в *культурно-историческом* развитии России.

Третьей причиной можно считать абсолютно намеренное, хотя и несколько неожиданное игнорирование Жаботинским (в рассматриваемых статьях) биографически близкого ему одесского культурного опыта. Если бы подобный диагноз был поставлен, допустим, уроженцем и жителем Вильны, так это было бы если и не вполне приемлемо, то хоть в какой-то мере объяснимо. Однако автором цитируемых недвусмысленных заявлений был человек, выросший в Одессе — городе, который по контрасту с «литовским Иерусалимом» небезосновательно считался крупнейшим центром секуляризированной еврейской жизни, европейски-ориентированной Хаскалы среди больших городов Российской империи со значительной долей еврейского населения, большая часть которого была в начале прошлого столетия русскоязычной по преимуществу. И не просто человек, выросший в Одессе, но, добавим, ведущий фельетонист *русской* газеты «Одесские новости», активный участник работы небезызвестного «Литературно-артистического общества», поэт, переводчик, драматург, писавший в ту пору только на русском языке. В конце концов и сам Жаботинский в своей автобиографической книге «Повесть моих дней» признавался, что Одесса была одним из самых влиятельных факторов, определивших его умонастроение. И тем не менее...

Было бы наивностью говорить о возможном незнании или недостаточном знании автором романа «Пятеро» культурного опыта родного города, где евреи пусть негромко, но все же заявили о своем приходе в русскую словесность, по крайней мере, за полстолетия до описываемой полемики, где в 1860-1861 гг. выходило первое еврейское русскоязычное периодическое издание — еженедельник «Рассвет», и т. д. и т. п. Скорее — имело место определенное игнорирование некоторых известных фактов, плохо увязывавшихся со сделанными категорическими заявлениями, а то и вовсе не укладывавшихся в их прокрустову тенденцию.

В попытке выделить главные положения собственной позиции Жаботинского-полемиста следует, думается, обратить особое внимание прежде всего на три его *составные части*.

Прежде всего это острополемический характер статей, а высокий накал полемики подчинял себе подчас весь характер и строй аргументации. По сути, только с В.Таном спорит Жаботинский по сути вопроса о роли евреев в русской литературе; эта концептуальная дискуссия реализовалась в достаточно лаконичном и отмеченном композиционной четкостью фельетоне. В других статьях он полемизирует с Чириковым, Арабажиным, Струве<sup>17</sup> и другими авторами по поводу совершенно иных проблем, а мысли об участии евреев в развитии русской литературы лишь вкраплены

в те рассуждения. Но из очерченного полемического поля здесь фельетонист отнюдь не выходит, и главный — не столь уж простой — вопрос прежней статьи вспоминается всякий раз в связи со стремлением опровергнуть тот или иной тезис очередного оппонента, ассоциируемый с позицией В.Тана и его единомышленников. В таких случаях обсуждаемый предмет возникает, как правило, в плоскости ассоциаций, и посвященные ему замечания попадают соответственно в маргинальную часть более широкого разговора.

Вторая составляющая категорического утверждения Жаботинского могла бы быть признана и одной из причин рассматриваемого заблуждения, однако в ходе рассуждений публициста она с формально-логической стороны фигурирует чаще как *вывод* или более того — *система выводов*. Имеется в виду вопрос о национальной атрибуции отдельно взятого литературного произведения или даже творчества того или иного писателя в целом. «...В наше сложное время «национальность» литературного произведения далеко ещё не определяется языком, на котором оно написано, — утверждает автор статьи «О «евреях и русской литературе»», а ниже продолжает: — Решающим моментом является тут не язык, и с другой стороны даже не происхождение автора, и даже не сюжет: решающим моментом является *настроение* автора — *для кого он пишет, к кому обращается, чьи духовные запросы имеет в виду, создавая свое произведение...*»<sup>18</sup>.

Устанавливая, таким образом, «национальность» произведения «по адресату», Жаботинский безоговорочно относит к еврейской, а не русской литературе творчество таких, например, писателей, как Осип Рабинович, Мордехай Бен-Ами (М.Я.Рабинович) и Шимон Фруг, хотя творили-то они, главным образом, на русском языке. Легко представить себе, насколько мог удлиниться такой список, вернись Жаботинский к этому вопросу лет, скажем, через двадцать. Выбрав в качестве принципа национальной атрибуции писателя и литературного произведения тот фактор, который сам он для краткости назвал «настроением», автор цитируемого фельетона произвольно расширил поле понятия «еврейская национальная литература», создав своего рода теоретическое основание для дальнейшего ввода в это поле значительного числа русских (равно как украинских, американских, польских, немецких, венгерских и т.д.) писателей.

Нужно сказать, что такой далеко не бесспорный подход к решению национальной принадлежности произведения еврейского писателя уже имел хоть краткую, но заметную предысторию, и предшественником Жаботинского в этом отношении может считаться хотя бы тот же Лев Леванда<sup>19</sup>. Позднее известный историк С.Л.Цинберг, задумавший написать многотомную историю «литературы у евреев», вполне сознательно полностью пренебрегал языковым фактором; «для него, — как вспоминал хорошо знавший С.Л.Цинберга историк С.Я.Боровой, — Гейне и Бабель — это главы истории еврейской литературы»<sup>20</sup>.

Были и есть у представленной точки зрения сторонники и в новейшем литературоведении. Прежде всего нельзя не вспомнить в этой связи позицию проницательного критика и замечательного переводчика Шимона Маркиша<sup>21</sup>, настойчиво отстаивавшего правомерность понятия «русско-еврейская литература». Приводя в своих трудах немало выразительных примеров интересующего его явления, Ш.Маркиш не предложил, однако, гносеологического обоснования для введения названной категории в научный обиход. Ведь по такому образцу и подобию нетрудно было бы соорудить множество других «гибридных» историко-литературных категорий (русско-армянская литература, русско-грузинская и т. п.), которые при всей своей внешней эффектности мало что проясняли бы в достаточно сложном вопросе о национальной атрибуции художественных произведений<sup>22</sup>.

Наконец, третьей и самой, пожалуй, очевидной погрешностью полемического суждения Жаботинского явился его историко-культурный прогноз, о котором уже заходила речь выше. Правда, в полемике с В.Таном автор статьи «О «евреях и русской литературе»» высказался еще деликатно, с некоторой осторожностью: мол, дадут или не дадут еврею русской литературе «много впредь — не ведаю». В фельетоне «На ложном пути» (1912 г.) Жаботинский, как бы предупреждая своих читателей из числа ассимилированных евреев о том, что «источник и оплот русской культуры не в неофите, а в той массе, с которой он еще только старается слиться», тоже остерегается безоговорочных заключений. Он не собирается говорить о том, достаточно ли усвоили литераторы — этнические евреи — «соответствующий национальный дух», поскольку «спорить об этом трудно потому, что это вопрос чутя, ошупи, и еврейские судьи тут совершенно не компетентны»<sup>23</sup>. Однако другие его высказывания 1908-1912 годов на этот счет были куда более решительными, и гипотетический грядущий вклад этнических евреев в русскую культуру приравнивался к ничтожному результату их попыток «творить русскую политику».

Конечно, если исходить из декларированного Жаботинским принципа определения «национальности» художественного произведения, можно было бы объявить *еврейскими* писателями и Исаака Бабеля, и Януша Корчака, и Сола Беллоу, и Бернарда Маламуда, и Григория Кановича, и Ханну Краль, и многих-многих других. Однако, даже не выходя в сферу всемирной культуры, а ограничившись лишь крупными, выдержавшими нелегкое испытание временем явлениями многожанровой русской литературы двадцатого века, легко заметить, насколько представительно даже в количественном отношении участие в ней этнических евреев. Количественная сторона при этом вовсе не подменяет и не заслоняет признанных во всем культурном мире качественных достижений, о которых уже достаточно написано, и здесь не обязательно повторяться, приводя весьма длинный ряд громких имен, хорошо известных широкой читательской аудитории.

*Errare humanum est.* Древняя истина с годами не стареет, и мало кто даже из одаренных и умудренных богатым опытом людей не попадает хоть изредка под ее беспощадную юрисдикцию. Выдающийся общественно-политический деятель и замечательный писатель Владимир Жаботинский не представляет собой исключения. Он мог крепко ошибиться даже в политических прогнозах, не представляя себе, например, весной 1939 года, что неотвратимая, по мысли многих современников, Вторая мировая война вот-вот разразится; тем более мог он ошибиться и в каких-то частных историко-культурных умозаключениях.

Однако, как это ни удивительно, иногда ошибка человека творческого, талантливого и непредубежденного оказывается интереснее и даже плодотворнее для выяснения истины, чем привычный набор плоских и общеизвестных истин, излагаемых к тому же невыразительно и тривиально. К примеру, ироническое замечание выдающегося историка В.О.Ключевского о восстании декабристов вызвало к жизни... новую волну серьезных исследований, позволивших полнее и точнее осветить этот феномен российской истории начала XIX века. Энергичная попытка Льва Толстого свергнуть с пьедестала мировой славы самого Шекспира, как известно, не увенчалась успехом, но она нанесла сильный удар по слепому, бездумному преклонению перед именем Шекспира и придала новый, мощный импульс серьезным и всесторонним шекспироведческим исследованиям. Описанное *заблуждение* Владимира Жаботинского несколько не принижает в наших глазах значения его многогранной, талантливой личности, но снова привлекает внимание к самому предмету состоявшейся около века тому назад полемики. Предмет этот, несомненно, требует более полного, спокойного, *научного* освещения и осмысления.

г. Любек, ФРГ

#### Примечания

- <sup>1</sup> Altalena (итал. — качели) — литературный псевдоним В.Е.Жаботинского.
- <sup>2</sup> Владимир (Зеев) Жаботинский. Избранное. — Иерусалим, 1989. — С. 63.
- <sup>3</sup> Там же. — С. 73.
- <sup>4</sup> Там же. — С. 75.
- <sup>5</sup> А.И.Солженицын. Двести лет вместе (1795-1995). Часть I. — М., 2001. — С. 253, 455.
- <sup>6</sup> Владимир (Зеев) Жаботинский. Указ. соч. — С. 155.
- <sup>7</sup> Этот довольно спорный термин был введен в обиход русским литературоведом и критиком В.Львовым-Рогачевским в его книге «Русско-еврейская литература» (М., 1922).
- <sup>8</sup> Любопытно, что в указателе имен к одноименному сочинению А.Я.Таирова Герцль и Нордау были представлены как «немецкие драматурги» (А.Я.Таиров. Записки режиссёра. Статьи. Беседы. Речи. Письма. — М., 1970. — С. 590, 596). Простенькая «хитрость» позволила усыпить бдительность непросвещенных цензоров.

<sup>9</sup> Проблема «Жаботинский и Бабель» рассматривается специально в ст.: Марк Соколянский. Общие корни (Владимир Жаботинский и Исаак Бабель) // Егупец, художественно-публицистический альманах Института иудаики. Вып. 10. — Киев, 2002. — С. 248-264.

<sup>10</sup> Так, в письме к Оскару Грузенбергу от 27 апреля 1927 г. Жаботинский проявляет неподдельный интерес к творчеству Марка Алданова (Владимир Жаботинский. Письма Оскару Грузенбергу / Вступ. ст., публикация и комментарии Х.Фирина // Вестник Еврейского ун-та в Москве, № 2 (6), 1994. — С. 232).

<sup>11</sup> См.: Владимир Жаботинский. Опыт автобиографии / Предисл. и публикация Х.Фирина // Вестник Еврейского ун-та в Москве, № 3, 1993. — С. 213-217.

<sup>12</sup> См. подробнее в очерке Шимона Маркиша «О российском еврействе и его литературе» (Шимон Маркиш. Бабель и другие. — Киев, 1996. — С. 194-197).

<sup>13</sup> На состоявшемся в парижском отеле «Мажестик» в конце марта 1928 г. вечере, посвященном годовщине смерти С.Юшкевича, среди выступавших, наряду с И.А.Бунинным и А.И.Куприным, был и В.Е.Жаботинский. (См.: Евреи России — иммигранты Франции. Очерки русской эмиграции / Под ред. В.Московича, В.Хазана и Ж.Брейяр. — Москва — Париж — Иерусалим: Гешарим, 2000/5761. — С. 259).

<sup>14</sup> Упоминание о нем встречаем в фельетоне Жаботинского «Струве и украинский вопрос».

<sup>15</sup> Так говорил Жаботинский / Публ. Х.Фирина // Вестник Еврейского университета в Москве, 1993, № 4. — С. 183.

<sup>16</sup> Владимир (Зеев) Жаботинский. Указ. соч. — С. 73.

<sup>17</sup> Полемика с П.Б.Струве в другой связи — по «украинскому вопросу» — был посвящен специальный фельетон В.Жаботинского «Струве и украинский вопрос», опубликованный в начале марта 1912 г. в газете «Одесские новости».

<sup>18</sup> Там же. — С. 65.

<sup>19</sup> См.: С.Кузнецова. Два письма Л.О.Леванды // Russian. Philology & History In Honor of Professor Victor Levin. — Jerusalem, 1992. — P. 384-391.

<sup>20</sup> Саул Боровой. Воспоминания. — Москва — Иерусалим, 1993 / 5753. — С. 184.

<sup>21</sup> Шимон Маркиш. Русско-еврейская культура. — Почему? Зачем? Для чего? Для кого? // Егупец. Вып. 2. Киев, 1996. — С. 85-91. См. также: Alice Stone Nakhimovsky. Russian-Jewish Literature and Identity. — Baltimore-London, 1992.

<sup>22</sup> Подробнее см. в моей статье «Владимир (Зеев) Жаботинский и русская литература» (Studia 22 Кульчицкий С.В., Коваль М.В., Лебедева Ю.Г. История Украины. Учебник для 10-х классов средней школы. — Киев: «Освита», 1998, с.232. Rossica Posnaniensia, z. XXVIII. — Poznac, 1998. — S. 43-53).

<sup>23</sup> Владимир (Зеев) Жаботинский. Указ. соч. — С. 163-164.